

ТЯЖЕЛАЯ НОША

...У меня творческая встреча, я трушу ужасно и приговариваю про себя всякие глупости вроде того, что «трус, мол, не играет в хоккей» и «волков бояться — в лес не ходить», но ничего не помогает, я только сильнее боюсь и начинаю злиться на себя. При чем тут волки-то?! И хоккей тоже ни при чем, может, трус в него и не играет, но я-то тоже не играю! И — да, я трус! Я боюсь, что не смогу связно говорить, что не отвечу ни на один вопрос, забуду все, что хотела сказать, перепутаю Серафимовича с Катаевым: первый написал «Железный поток», второй — «Время, вперед!», а не наоборот, не сумею правильно процитировать Борхеса, хорошо определившего, что такое на самом деле детектив. И еще вот: я навернусь на каблуках, надетых «красоты ради», уроню очки и стану ползать по сцене и шарить — без них я ничего не вижу, совсем, никак, — а люди будут сидеть в зале и смотреть, как я ползаю!..

Это очень страшно.

Встреча начинается, и я говорю, не слыша себя, и мне хочется убежать и спрятаться, но я говорю, и постепенно начинаю себя слышать, и мне начинает казаться, что люди тоже слушают и сочувствуют, и, кажется, вот сейчас я удачно пошутила — смеются, а сейчас стало по-настоящему интересно, потому что все молчат, никто не шушукается, не кашляет, не разговаривает по телефону громовым шепотом.

У тебя такая работа, говорит моя мама, когда я жалуясь, что мне страшно, и в этот раз я точно провалюсь, вот увидишь!.. Ты общаешься с людьми — это и есть твоя работа. Когда ты дописываешь роман, и его печатают, а потом развозят по книжным магазинам, ты начинаешь общаться, не напрямую, конечно, но все, что ты думаешь, чувствуешь и понимаешь или чего не понимаешь, становится им ясно из книги. Это большое счастье, что люди хотят общаться дальше и приходят на встречи с тобой, а ты трясешься и думаешь о какой-то недостойной ерунде.

Недостойная ерунда — это как раз про каблуки и очки. Ну, в том смысле, что какая разница, как именно я выгляжу! Самое главное — красота внутренняя, так сказать, осмысленная, выработанная.

И еще честность.

Между прочим, так было всегда.

Обе бабушки считали, что думать о нарядах — глупость и пошлость, и, когда я старалась украсить себя, например, красным шарфиком, был у меня такой, косились неодобрительно. Брось

ты этот шарфик, ей-богу! Главное, что внутри!.. Главное, сколько книг прочитано, сколько работы сделано, и как сделано — тоже важно. Главное, довольны ли в школе или институте, выполняешь ли ты свои обязанности. Очень немногочисленные, подчеркивали бабушки, совсем немногочисленные!.. В наше время, продолжали бабушки, девочка в твоём возрасте должна была... И пошло-поехало!.. И поехало, и пошло!

Одна бабушка «в моем возрасте», каким бы этот возраст ни был, помогала своей маме, то есть прабабушке, по хозяйству, сидела с братьями и сестрами, а их было много, носила своему папе, то есть прадедушке, обед на станцию, а это километров шесть, а он был машинист паровоза и никак не мог отлучиться с работы. И вот в любую погоду, в снег или в дождь, в жару или в грозу, бабушка собирала узелочки и шла на станцию, строго наказав сестрам и братьям ждать и не баловаться. Я отлично представляю себе — или мне кажется, что представляю, — трехоконный домик, узкие неровные стекла, а за ними плывущие встревоженные детские лица. Их заперли, оставили одних, велели сидеть тихо и дожидаться, и «чтоб ни-ни!», а придут не скоро, и они знают, что не скоро, и нужно как-то продержаться, а темнеет рано, электричества или керосина, конечно, нет и в помине, и очень страшно сидеть в темноте, и хочется есть и перестать бояться, и чтоб уж скорей взрослые пришли. Но нет, придут не скоро, и неизвестно, принесут ли поесть, нет ли...

Другая бабушка «в моем возрасте» прекрасно шила, и это ее шитье не раз выручало семью, спасало от голода в прямом смысле слова. Еще она стояла в очередях, многочасовых, многокилометровых — за керосином, за хлебом. А однажды, это она уже взрослая была, ей удалось добыть кусок стекла. Разбитое окно — серьезное бедствие!.. Мальчишки с улицы камнем или мячом попадут или ветку какую-нибудь ветром принесет ненароком, и нет стекла, а где его взять? Взять нигде. В жилконторе все лимиты выбраны на двадцать лет вперед. Спекулянтам нужно отдать двадцать пять рублей — деньги в тридцатые годы не просто бешеные, а несуществующие как будто. Ну, наверное, как в нашей системе координат миллион. Или два. Множество окон, рассказывала бабушка, много лет стояли без стекол, хорошо если удавалось забить фанеркой, но, как правило, затыкали чем-нибудь, тряпками, ветошью. Холодно зимой без окна. И вот бабушку и еще каких-то активистов послали что-то там такое разбирать на чердаках. И она нашла в углу кусок стекла, огромный. Умная бабушка не побежала его сдавать, а припрятала, и ночью они с прабабушкой пришли и вытащили стекло, как воровки.

И вы понимаете, да?.. Это ведь ерунда. Все по-настоящему трудное у моих бабушек было еще впереди.

Тридцать девятый год, например. Одного деда арестовали и посадили. В обвинении было сказано, что дед собирался удрать за границу и для этого рыл подкоп из Кулина, где он тогда работал

на железнодорожной станции, в панскую Польшу. Побег удалось предотвратить, деда судили и почему-то на процесс пустили бабушку, уж не знаю почему. Приговор был вынесен 31 декабря — лагерь, не расстрел. Деда увели в наручниках.

Бабушка вышла из зала суда, очень собранная и сосредоточенная. Не знаю, что было у нее в тот момент в голове и в душе, но она пошла и купила новогоднюю елку. Она была твердо убеждена, что у ее детей, моих папы и тети, должен быть праздник Новый год, и точка.

Вторая моя бабушка вместе с дедом в этом же году убежали из Сталиногорска, где дед служил инженером. Начались аресты, и ему кто-то шепнул, что сегодня ночью за ним придут — предупредили. Бабушка с дедом в этот день вместе ушли с работы под ручку, как уходили всегда, но не домой, а на станцию, дождались электрички и уехали в Москву к прабабушке. В чем были, в том и уехали — летних одеждах, сандалиях, — бросив квартиру, добро, денежки, в общем, всю жизнь. Бабушке было двадцать два, а деду двадцать семь. Мамы моей у них еще не было тогда.

Да. А потом война!.. Близкие бомбежки, эвакуация, теплушки, крошечные дети, «рабочие карточки», «литерные карточки», «все для фронта, все для победы».

Оборотистой и ловкой бабушке — это уж ей было лет двадцать шесть! — удалось выменять

на пальто целую наволочку сахара. Она кое-как притащила ее домой, плюхнула на стол, и вот это был праздник, скажу я вам!.. Вот это было событие!.. Вы понимаете? Можно было положить в стакан кипятку сколько угодно сахару, хоть пять ложек. Хоть семь. А в наволочке не убывало! А дед, который никогда-никогда ничего не умел добыть, добыл корыто!.. Какие-то ушлые артельщики привезли целую подводку, молниеносно распродали и исчезли. За корыта дрались, отнимали друг у друга, женщины голосили, мужчины матерились, но деду как-то удалось ухватить и остаться целым. В корыте можно было стирать, а можно было мыться, что угодно можно было делать с этим корытом, это же почти что райская жизнь!..

Другая моя бабушка в этой же самой эвакуации, только в другом конце страны, в это время вытапливала сахар из свеклы — ставила в печку чугунок, свекла «подтаивала», и то, что из нее вытекало, можно было есть. Вкусно, сладко!..

Да. А впереди еще был сорок шестой год, самый голодный и страшный, а потом возвращение в Москву, оказалось, что некуда возвращаться, потому что довоенные квартиры заняты, и бороться бессмысленно, и жаловаться некому.

Впрочем, в том «моем возрасте» бабушки этого своего будущего еще, конечно, не знали. По их мнению, украшательство шарфиком или любим другим предметом туалета, как и мысли о кавалерах и дискотеках, было делом мелким, недостойным и пошлым. И страхи мои — я всегда боялась

контрольной по химии, двойки по английскому, попасть впросак — тоже казались им идиотскими.

Да.

Впереди маячит новая творческая встреча, и я прикидываю, о чем буду говорить, пишу заранее план, и этот план никуда не годится — неинтересно, скучно. И я переписываю план, и этот новый не годится тоже, и примерно дня за три я начинаю бояться и изводить близких подступающей истерикой. Хорошо вам говорить — это твоя работа! Вот попробуйте сами, сделайте эту мою работу, и вы увидите, как это все трудно и страшно.

И я уже почти готова рыдать и убиваться над своей тяжелой долей, но тут вдруг откуда ни возьмись появляются бабушки, которых давно нет, конечно. Бабушки и их трудности и страхи, с которыми они прожили свою единственную жизнь — никто ведь пока точно не знает, есть ли еще один шанс!

Они прожили, как могли, и, между прочим, обе были уверены, что жизнь их сложилась просто отлично и была к ним милостива.

...Нельзя распускаться, вот что. А я то и дело позволяю себе... распускаться!.. Мне ничего этого не нужно делать — ни биться в очередях за керосин, ни воровать стекло, зная, что, если поймут, посадят. Не нужно собирать на станции уголь, а потом везти его на саночках домой, чтобы как-нибудь обогреться.

Мне не нужно бороться так, как боролись мои бабушки, и вот самое потрясающее! Боролись они

не во времена Юлия Цезаря, а, считай, позавчера, но мы так распустились, что об этом позабыли и самодовольно утопаем в самодовольной жалости к себе и самодовольных сетованиях на судьбину!

...Если я на сцене навернусь на каблуках, значит, поднимусь, извинюсь за неловкость и продолжу. Общение с людьми — моя работа, и это превосходная работа!.. А если потеряю очки, значит, обойдусь как-нибудь без очков. Какая разница?!

Я УЛЕТАЛА, А ОН ОСТАВАЛСЯ

Мы с мужем то и дело летаем в командировки. То меня несет встречаться с читателями в Бийск или в Лондон. То ему нужно в Екатеринбург или Стокгольм — разумеется, «по делу, срочно». Нам нравится, что мы такие деловые — еще бы! — но расставаться... трудно. На самом деле трудно. До сих пор.

Получается, что этот самый Бийск или Лондон не с кем разделить, а тогда зачем они нужны?! Некому шептать в ушко: «Смотри, смотри, как целуются, давай мы тоже!» Не перед кем ныть, что сил больше нет и пятку стерла. Некому показать розового лабрадора на переднем сиденье машины, пристегнутого ремнем безопасности и улыбающегося во всю пасть в предчувствии поездки. Не перед кем горделиво поигрывать хвостом — видишь, сколько народу пришло на мою встречу, или смотри, какой я умный, докладываю, а они все слушают!..

Я улетала, он оставался и был грустен.

Ибо, как сказал великий Ибн-Хазма, «в разлуке три четверти горя берет себе остающийся, уходящий же уносит всего одну четверть».

Утром мы выпили кофе, без всякого энтузиазма, и он в пятьдесят первый раз спросил у меня, где паспорт, телефон и кошелек, а я в пятьдесят второй ответила, что все давно в сумке и отстань от меня.

Пока мы ехали в Домодедово, эти самые кошелек с паспортом были помянуты еще раз тридцать — ну, мы такие. Дело не в кошельке и не в паспорте, а в том, что это... забота, и она проявляется именно так. Невозможно и странно сказать друг другу пятьдесят раз подряд: я люблю тебя, я скучаю по тебе, хотя ты еще и не улетела даже, я беспокоюсь о тебе, хотя точно знаю, что все будет хорошо.

Поэтому пусть будет кошелек!..

Мы очень быстро приехали — нам близко! — прошли все рамки и кордоны, поднялись на второй этаж, еще раз все выяснили про кошелек и паспорт, будь они неладны!..

И вот тут все и кончилось. Линия контроля, за которую провожающих не пускают. Водораздел.

Мы остановились и посмотрели друг на друга.

Да, да, не навсегда и не на войну, но как неохота, господи!..

Я рассматривала его потерянную унылую физиономию, на которую он натянул невнятную улыбку, а он все порывался что-то сказать — как раз невозможное и странное, и вовсе не про паспорт.

— Ну я пойду?

И тут он взял меня за пуговицу.

— Ты знаешь, — начал он, глядя мимо меня. —
Мне всегда так не хочется тебя провожать...

Конечно же, я решила, что должна ему помочь!.. А как же иначе?! Я должна избавить его от тяжкого мужского труда объяснения в любви — ведь им это на самом деле очень трудно! Я должна его спасти. Пусть он знает, что я все понимаю.

И, ежу ясно, я перехватила инициативу. Я ведь инициативная! И знаю его сто лет.

— Не скучай, не грусти, не забывай ужинать, — затараторила я, — будь осторожен за рулем, у Мишки в среду занятий нет, его можно не будить, я позвоню сразу, как прилечу, и сейчас позвоню, как только пройду контроль...

Я говорила и говорила, все бодрей и бодрей, он порывался меня перебить, но я не давала ему такой возможности. Я же ему помогала изо всех сил!..

— Эх, Устинова, — сказал он с насмешливой грустной нежностью, когда я выдохлась и замолчала. — У тебя, как всегда, весь пар в свисток! В общем, пока. Звони.

И ушел, не оглянувшись.

Не нужно все брать на себя, вот в чем штука! Не нужно говорить «за него», если вдруг раз в сто лет получилось так, что он сам хочет сказать очень важное. Не нужно спасать, когда этого не требуется. Нужно оставить им хоть что-то: труд заботы о нас, тяжесть объяснений, нелепость слов. Просто послушать их, притаившись. Даже если вокруг

толпа и аэропорт. Может, именно в этой толпе он скажет что-то, никогда не слышанное раньше, и это «что-то» вдруг паразит в самое сердце!

Но где там!.. Мы, девочки, все понимаем лучше их и уж точно можем лучше сформулировать то, что они хотят сказать, потому что мы знаем о жизни все, а они такие неприспособленные!..

Зато мы приспособленные втройне! Вчетверне. Впятерне.

Только потом почему-то стенаем, что мужиков нынче не стало, все повывелись, инфантильные, слабые, не способные отвечать за нас и малюток.

Еще бы они не повывелись, если мы не даем им даже слова сказать — из лучших побуждений, конечно!

Давайте засунем эти самые побуждения на самое дно наших бездонных сумок. Пусть пока там полежат, между кошельком, паспортом и телефоном. А сами послушаем, что нам говорят. И помолчим, ну хоть раз в жизни!

И все станет по-другому.

Я ПОСПОРИЛА С ПРИЯТЕЛЕМ

Чуть не до драки! Приятель молод, хорош, умен и очень успешен. Он — мое недавнее приобретение. Я обзавелась им уже в этой новой жизни, в которой меня показывают по телевизору, и передают по радио, и почитывают на пляже, и быть со мной знакомым не то чтобы приятно и полезно, но... можно. Вполне можно. Не стыдно.

Мы видимся редко, на каких-нибудь совсем уж обязательных мероприятиях, где я бываю по долгу службы, а он забредает просто так, от скуки. В этот раз ему было как-то на редкость скучно, а моя обязательная часть закончилась очень быстро, и мы сели в угол с бокалами. Это называется «поболтать». To have a cozy chat!.. Он любит иностранные слова и выражения.

Ну, где вы собираетесь провести лето? В Тоскане? В Канне? Может, на Капри? А как насчет финала «Формулы-1»? Завтра на матч в Рим летите? Может, вместе? Мой джет улетает завтра из Чкаловского в пять утра, там будут только свои. А в сентябре вся компания собирается в Ниццу!

Правда, компания поредела немного, кризис, настроение плохое, те развелись, этот запил, а тот вообще, говорят, того... разорился. Было тридцать миллиардов активов, а стало всего шесть. А это вообще не деньги, шесть миллиардов, смешно!..

Я киваю. Я всегда киваю, когда не знаю, что сказать. Легче кивать, чем... вдаваться во всю эту чушь. Но тут его понесло что-то. Должно быть, я кивала слишком активно. Чертов кризис. Он все испортил. Он всех их, потерявших двадцать четыре миллиарда, страшно подкузьмил. И дело даже не в деньгах, что деньги, мусор! Кризис подкузьмил в смысле образа жизни — все стало не так. Бывало, полетишь в Лондон к своему стоматологу, а оттуда рукой подать до Лазурного Берега, где все свои — ну, ты знаешь, — и всегда есть чем заняться. Выйдешь на Променад дез Англе, а там опять все свои — ну, ты же знаешь! — и прямо по променаду на какую-нибудь хорошую вечеринку, шампанское Crystal, бриллианты Chopard, и поет сама Алла, или этот, как его?.. Дима, что ли? Ну, он еще какой-то конкурс песни и пляски выиграл, как же его? Ну, ты, наверное, знаешь.

А сейчас что? Сейчас серая скука. Все попрятались по своим замкам, кто на Рублевке, кто в Лангедок-Руссильоне, заводы бы продать, да не берет никто, «Мазератти» который месяц в гараже в Монако, девиц разогнали, вон сколько их, брошенных, несмотря на вложенные в тюнинг бабки, скучает по московским кабакам!

Ну, я, конечно, и сказала все, что думаю про тьюнинг, «Мазератти» и променад, как говорится, в целом.

Он обиделся до слез. Я его оскорбила! Он никогда не думал, что я такая... такая!

Ну, какая, какая?!

Тут-то мы почти подрались, но пришел мой муж и за подол оттащил меня от него. Куда тебя понесло, спросил Женька, когда мы садились в машину. Что тебя разобрало-то так? Я долго думала, несколько дней. И правда, что это меня разобрало?! С чего бы?.. И постепенно стала догадываться.

Он, бедный, *на самом деле думает, что так живут все!* Что жить так можно и нужно, и единственное, что имеет смысл, так это Променад дез Англе, казино, яхта, сама Алла, которая поет только для него, и три ящика этого самого Crystal, будь он неладен!..

Кто-то убедил его, что весь мир существует для того, чтобы он жил именно так. И все эти убогие придурки, которые ходят на работу, растят детей, гуляют с собаками и мечтают об отпуске, нужны только для того, чтобы он мог на них делать деньги.

Кто-то убедил, а он искренне поверил!..

У таких, как он, нет здравого смысла, вот до чего я додумалась. Отсутствует как таковой. Нет, это я не о том, что он звездным небом не любитесь и забыл, как пахнет сирень на рассвете!

Я о более приземленном. Они на самом деле думают, что метр жилплощади стоит пятнадцать

тысяч евро. Они на самом деле думают, что джеты-яхты-мазератти есть у каждого нормального человека. У кого нет, те, стало быть, ненормальные. Они на самом деле уверены, что на курорты ездят исключительно в обществе длинноногих блондинок, а дети в это время с бонной, а жена в это время с бриллиантовым колье и фитнес-тренером. Они на самом деле верят своему консалтингу, который утверждает, что в этом году ожидается офигенный спрос на квартиры-студии в Белгравии.

Он не врет. Он и вправду так думает.

И тогда я ему позвонила и мы помирились.

Он не виноват в том, что убогий. Его так воспитали, сначала папа-комбайнер, а потом мир наживы и чистогана.

МОЙ МУЖ ОБЪЯВИЛ, ЧТО СОБИРАЕТСЯ... В ПОХОД

Куда ты... собираешься?! Как — куда? В поход. Ну, это когда рюкзаки, палатки, байдарки — в нашем случае велосипед, — пригоревшая бурая смесь, вроде бы гречневая каша с тушенкой, сто километров туда, сто обратно, а может, двести туда и двести обратно, тренировочные штаны, рюкзак, а в рюкзаке палатка. К седлу приторочен котелок, чтоб варить бурюю смесь. Ты не знаешь, где ветровка, в которой я выиграл восемьсот метров на пятом курсе? Ты не видела мои велосипедные очки? А рюкзак? У нас же был нормальный туристический зеленый брезентовый рюкзак без всяких этих модных наворотов!..

Я понятия не имею, где ветровка. Должно быть, там же, где учебник по термодинамике Я. М. Серебряйского, по которому ты на том же пятом курсе сдавал спецкурсы. То есть нигде. Велосипедных очков у тебя никогда не было. «Нормальный» рюкзак, кажется, сгнил в гараже

у папы в девяносто первом году. Тогда нечего было есть, и ты в этом самом рюкзаке возил с огорода картошку. Сушить рюкзак было недосуг — у нас тогда был младенец, помнишь, и этот младенец все время орал, помнишь? — а рюкзак, в свою очередь, все время был «в работе», вот и сгнил. Нет, я нашла, конечно, какой-то рюкзак, совершенно неподходящий, потому что как раз «с наворотами», быстренько съездила в магазин, купила ветровку, а потом «подсунула», как будто она век лежала в гардеробе на нижней полке. Он не заметил, конечно, что это «не та» ветровка. Очки... ну, с очками проблема, но, может, как-нибудь без них?.. И все три дня «до похода» я чувствовала себя заботливой, «правильной» и, главное, очень умной женой.

У него свои дела. Он мужчина и вполне имеет право на «личную жизнь». Кроме того, смена обстановки! Это особенно важно и прописано отдельным пунктом во всех психологических журналах и американских книгах, типа «Зрелые отношения: сохранить себя и не упустить его». В том смысле, что сохранить и не упустить очень просто — каждый занимается своим делом, и тем не менее что-то нас объединяет.

Каждый пошел своею дорогой, а поезд пошел своей.

Жаль только, ни один психолог не может внятно сформулировать, что именно объединяет-то — привычка, дети, счет в банке, автомобиль, медицинская страховка, место на паркинге?! Вот

это, последнее, особенно красиво и особенно напоминает американские фильмы, не правда ли?..

В общем, все было очень красиво и очень по-американски до тех пор, пока он не ушел в свой поход.

А он взял и ушел. Утро наступило, солнышко светило, и я было расположилась варить ему кофе и жарить омлет, и тут вдруг он поцеловал меня совершенно ничего не значащим поцелуем, в духе психологических этюдов из журналов, бодро сказал «Ну, пока!», посетовав на то, что очки так и не были найдены, похлопал себя по карманам и... ушел.

А я осталась.

Кофе я выпила, а омлет задумчиво вывалила в миску, чтобы впоследствии отвезти маминой собаке. Кузьма очень уважает омлет, особенно вчерашний.

Потом я села и стала думать.

Все вранье, вот что я надумала. Нет, общая медицинская страховка и место на паркинге — вещь великая, системообразующая и цементирующая, особенно в Америке, кто ж спорит!.. И право личности на... что там?.. на самоопределение или на частную жизнь, что ли, это просто отлично! И я, как умная жена, должна считаться со всеми вышеприведенными пунктами, особенно на двадцать первом году брака!..

Должна, должна...

Но, черт возьми, он ушел, и все пропало!
И я не могу по этому поводу ликовать, несмотря
на все поучения умных книг и американских пси-
хологов!

Собака перестала есть, пить, радоваться жизни
и была бледна все три дня, что его носило по Подмо-
сковью. Дети решительно не знали, чем заняться,
и все время просидели за компьютерами, каждый за
своим.

Папа полез в колодец, потому что там — ясное
дело! — заклинило насос, подвернул ногу, долго
завывал оттуда нечеловеческим голосом, а потом
мы все его тащили и еле вытащили. Мама зама-
риновала три килограмма шашлыка, и его никто
не стал есть. Меня поразила бессонница и отчасти
депрессия на почве того, что я пишу никудышные
романы и вообще плохая мать.

Поэтому, когда он вернулся, хромая и поти-
рая побитую велосипедным седлом задницу, мы
все выли от счастья, скакали вокруг него, напе-
регонки ухаживали, наливали ванну, подносили
то пиво, то ромашковый чай и стойчески вынесли
все его стенания по поводу того, что в свои сорок
шесть он в «плохой форме». Проехал не триста
километров, а всего двести восемьдесят, что ли!
Поэтому, когда он опять соберется в поход, я не
стану следовать рекомендациям психологов, ни
наших, ни американских! Я буду ныть, требо-
вать, капризничать, и мне будет совершенно на-

плевать на «право личности» и на «смену обстановки»!

Мне наплевать на то, что это... полезно. По мнению психологов.

Для меня — вредно. Я не могу без него жить.

И я хочу, чтобы он об этом знал.

МОЯ ДРАГОЦЕННАЯ МАКАКА

На каникулах мы полетели в Стамбул.

Полетели потому, что дети своими глазами должны увидеть бухту Золотой Рог, мосты над Босфором, тающие в солнечном мареве, как нити сахарной ваты, корабли, серый камень мечети Султан-Ахмед, Святую Софию, ворота Константинополя, розы под снегом — чтобы понимать хоть немного, откуда взялась цивилизация.

Женя должен был выступать на конференции и лететь в Стамбул не мог. Я долго ныла, что дети растут без отца, что каникулы нужно проводить с пользой и т. д. Мой муж слушал, морщился, вздыхал — я мешала ему писать доклад, — соглашался и кивал. Потом дописал и улетел в свою командировку.

В Стамбуле у нас вышла история. Перед отъездом сыну Мишке подарили фотоаппарат, шикарный, сложный, почти профессиональный. Мишка так его хотел, облизывался, предвкушая, как будет снимать, закатывал глаза и скакал, как макака. От восторга и разгильдяйства инструкцию к нему он,

разумеется, позабыл в Москве. А снимать просто так, нажимая на кнопочку, не получалось — фотоаппарат был слишком сложен, самовлюблен и горд тем, что столь сложен.

Мишка совсем упал духом. Он бодрился, но по его расстроенной мордахе все было видно. Вот Стамбул. Вот розы под снегом. Вот серые камни великих мечетей. Вот даже и фотоаппарат, будь он неладен!.. А снимать не получается.

С нами был сопровождающий — взрослый, упитанный, сурьезный дяденька, как раз умеющий фотографировать. И Мишка, совершенно изнемогший от сознания собственной ужасной ошибки, попросил его *показать*, как пользоваться этой прекрасной и сложной техникой. Сурьезный дяденька подошел к вопросу воспитания моего сына со всей ответственностью. Он бубнил, что нужно было изучить инструкцию. Да, но она в Москве! Нужно было заранее. Да, но фотоаппарат подарили за день до поездки! Нужно было подготовиться и взять ее с собой. Да, но он забыл, забыл!.. В следующий раз он постарается, а сейчас, пожалуйста, ну пожалуйста, *покажите как!*..

Не тут-то было. Дяденька решил не отступать и не сдаваться. Воспитание продолжалось до самого вечера. Воспитуемый каялся и осознавал, но так и не фотографировал. Непонятно, почему я терпела так долго. Я не мешала воспитательному процессу и искренне стыдилась, что мой сын такой болван. Только в отеле я вдруг очухалась, и возле ресепшена мы с Мишкой обнаружили каких-то голландцев с точно таким же аппаратом, которые

за минуту *показали нам*, как снимать, чтоб получалось хоть что-то.

А подробную инструкцию мы подробно изучили в Москве.

Как вы думаете, почему нам кажется, что наши дети хуже всех остальных детей?! Почему мы готовы верить тому, что говорят о них вовсе чужие люди — подруга жены, друг мужа, бабушка подруги жены, дядя друга мужа или учительница химии?! Почему мы готовы со скорбным видом кивать, когда некто убеждает нас в том, что ребенок — разгильдяй, тунеядец, ни черта не смыслит в крекинг-процессе, завтра продаст родину и станет позором семьи?! Почему мнение этих людей для нас так важно, ведь мы-то знаем собственного ребенка гораздо лучше всех посторонних воспитателей, вместе взятых!..

Я знаю, что мой сын растрепа, что может забыть телефон у друга Димки, а кроссовки в спортзале. Я знаю, что по-английски он пишет грамотней, чем по-русски, а от его интернет-стрелялок у меня волосы на голове встают дыбом.

Я знаю, что, огорчив нас, он расстраивается куда больше, чем мы, потому что он благородный, умный, добрый и очень молодой мужчина, который просто еще не умеет быть всегда собранным, всегда ответственным, всегда положительным и осознающим последствия своих поступков!

Бог даст, он станет таким к своим сорока годам, но сейчас-то он еще может побыть... маленьким. Не всегда и во всем совершенным, но очень любимым и защищенным родителями со всех сторон!

Не верьте, когда вам говорят, что ваш ребенок плох. В крайнем случае вклейте ему по заднице, скажите, чтоб в следующий раз был умнее, заварите чаю и садитесь рассматривать фотографии.

Вот Стамбул. Вот розы под снегом. А вот сияющая кривоватыми передними зубами физиономия вашей драгоценной макаки!

Так чего вам еще нужно?!

СВИДАНЬЕ С БОГОМ У ОГНЯ

Жить было довольно трудно и как-то ничего не хватало — ни денег, ни времени, ни нарядов, ни увлечений.

Дети маленькие, и, главное, по-разному маленькие. Одному нужен велосипед, кроссовки и игровая приставка, а второму — памперсы, набор погремушек и прогулочная коляска вместо люльки. На работу два часа в одну сторону, машина старая совсем и в пробке перегревается, из нее начинает валить пар, и приходится вылезать и толкать ее к обочине, чтобы все остальные страдалцы вроде нас все же могли как-то ехать на работу.

И время от времени нам начинало казаться, что все наши друзья и приятели, уже сделавшие какие-никакие карьеры и гораздо раньше родившие детей, которые уже подросли и не слишком обременяли собой родителей, живут как-то проще, веселее, интереснее, свободней!..

На самом деле довольно трудно семь раз подряд объяснить семи приятельницам, что зимние

каникулы я провела, катая по участку в Кратове коляску с младенцем, а не катаясь в Австрии на горных лыжах с инструктором.

Ну и так далее.

А очень хотелось, чтоб было... красиво и свободно, хотя бы иногда, хотя бы разочек, но чтобы было!..

Очень вредно не ездить на бал, особенно когда ты этого заслуживаешь!..

И вот однажды на бал нас пригласили.

Ребята, это было такое событие!.. Как раз кто-то из тех приятелей, что уже давно и прочно сделали карьеры, устраивал «летний праздник». Я понятия не имела, что это такое, и мне объяснили.

Это когда снимают какой-нибудь дом отдыха или клуб на Клязьме или Истре и там предаются разным приятным развлечениям: катанию на лодочках, играм на свежем воздухе, милой болтовне и поеданию шашлыка или чего там?..

И мне очень туда хотелось!.. Я так и представляла себе полосатые шезлонги, теплые доски пирса, на которых можно сидеть, свесив ноги в воду, запах шашлыка, красоту летнего вечера, умные разговоры, красивых людей, играющих за высокой сеткой в теннис или бадминтон. У меня воображение-то будь здоров, вот я и навоображала.

Сейчас я не вспомню, почему Женя, мой муж, не смог поехать. Или не захотел. Но не поехал.

Если тебе так уж невмоготу, сказал мой муж, давай я попрошу кого-нибудь, и тебя захватят. В речной клуб на Истре или Клязьме, где красиво предаются летним увеселениям, просто так, на

электричке, не доедешь, а машину я никогда не водила.

В общем, он попросил, и меня «захватили».

Да, перед праздником я, как гимназистка перед балом с юнкерами, несколько дней придумывала, во что бы такое мне нарядиться. И выбор был невелик, и я понятия не имела, что следует надевать «на летний праздник за городом». Широкополую шляпу из итальянской соломки и льняной сарафанчик?.. Тонкие джинсы, белую рубашу и бейсболку козырьком назад?.. Платье в горошек и беленькие босоножки (см. кинофильм «Красотка», эпизод с игрой в поло)! У меня ничего этого не было, зато был безразмерный спортивный костюм и кроссовки, когда-то довольно белые и довольно кокетливые.

Н-да.

В общем, меня «захватили» на праздник, где я почти никого не знала, а меня-то уж не знал совсем никто, и я там полдня слонялась между полосатыми шезлонгами, шашлычницами, нарядными дамами в платьях в горошек и шляпах из итальянской соломки.

Все дамы как раз были между собой знакомы, рады друг друга видеть и мило щебетали про свою прекрасную и недоступную моему пониманию жизнь. Как покатались в Австрии и куда нынче планируют выехать «на солнышко». Что именно купили в Милане и как теперь придется лететь в Нью-Йорк за тем, что недокупили.

Со мной никто не разговаривал, и я ни с кем не разговаривала — не о чем.

Зато я посидела на теплых досках пирса — часа четыре сидела! — тоскливо думая, как там все без меня дома. Должно быть, уже сестра приехала, и самовар ставят, утром мама собралась пироги печь, красота.

Короче говоря, когда пришло время уезжать, выяснилось, что меня... забыли. Тот самый приятель, которого Женька попросил меня «захватить», давно уехал, просить каких-то других приятелей подвезти хотя бы до Москвы я постеснялась — меня пугали их машины, жены, шляпы и разговоры про лето в Ницце.

Когда стало ясно, что на территории загородного клуба из гостей я осталась одна и еще сторож, запиравший ворота за последней машиной, мне сделалось не по себе.

Я всерьез не знала, что дальше-то! Идти на шоссе и ждать автобуса? Какого? И где он останавливается? И сколько его ждать?.. И вечереет уже... вовсю.

Официанты убрали пластмассовые стулья, сворачивали шатры, гремели какой-то посудой, таскали мешки в маленькие запыленные грузовички с откинутыми бортами, торопились, всем хотелось домой.

Сторож тоже не пришел в особенный восторг, обнаружив меня на вверенной ему территории. Он только собрался всех выпроводить, выпустить собак, хорошенько поужинать и завалиться спать, а тут я!..

В общем, не придумав ничего лучшего, я позвонила Женьке и сказала: спасай.

«Ну, конечно, — ответил он. — Выезжаю. Ты там как-нибудь потерпи, пересиди где-нибудь. Я скоро буду. Часа через два...»

Все же «загородный клуб», где я жила красивой жизнью, от нас совсем недалеко.

Я пристроилась на каких-то досках, сложенных возле лодочного сарая, и стала смотреть на воду. Вскоре официанты со своим хозяйством убрались с территории, и сторож выпустил большую лохматую собаку, издав крик: «Она смиренная!» Собака подбежала, понюхала мои кроссовки, попила из реки, потом несколько раз для порядка брехнула на буксир, тянувший по стремнине баржу, и унеслась по своим делам.

А я все сидела и начала подмерзать, и есть мне очень хотелось.

Потом пришел сторож, уселся рядом со мной и спросил, чего это я вместе со всеми не уехала. Я что-то ему соврала, не признаваться же, что меня забыли, но, по-моему, он догадался.

Некоторое время мы просто сидели, я косилась на него, потому что побаивалась, мало ли что! И все придвигала к себе рюкзачок и ощупывала, все ли там, в рюкзачке, в порядке! А потом сторож включил приемничек, который принес с собой.

Из приемничка негромко запел Максим Леонидов, и я как-то сразу приободрилась.

Песни Максима Леонидова — это что-то очень близкое, почти родное, сразу объединившее нас со сторожем. Ну не может быть совсем пропащим, или никчемным, или опасным человек, который любит слушать Леонидова!..

«Ему говорят, что окончен бой, — пел нам со сторожем приемник, и мы слушали, и река слушала, и лохматая собака прибежала, улеглась и тоже стала слушать, — и пора вести учет несбывшимся снам. Ему говорят, что пора домой, дома, по слухам, уже весна!»

Так мы сидели и слушали, и песен было много, нам хватило до самого приезда Женьки, который прибыл и стал колотить в ворота!

— Хотите? — спросил сторож, когда я полезла в нашу «Ниву» и, щелкнув крышкой, вынул кассету из приемничка. — Я себе еще запишу!..

Она до сих пор с нами, эта кассета, только уже теперь, конечно, не кассета, а диск. Мы давно перегнали все песни на диск и дописали новые, а некоторые, особенно любимые песни, записали еще и в телефоны — вот как технологии продвинулись!

С тех пор прошло не так чтоб уж очень много времени — лет восемь, наверное.

Все изменилось, жизнь изменилась, но одно из моих самых лучших воспоминаний, как я сидела на досках возле лодочного сарая, ждала Женьку, который должен был меня спасти, и слушала Максима Леонидова.

Без них обоих — нет, нет, без них троих! — Максима, Женьки и безымянного сторожа, я бы тогда совсем пропала.

И тут не так давно у Леонидова случился день рождения. Вообще говоря, день рождения у всех

людей на свете случается каждый год, но есть особенные, именуемые юбилеями, хотя я не знаю ни одного человека, который любил бы свои юбилеи. Тем не менее их почему-то принято отмечать широко и с размахом.

Накануне юбилея я ему позвонила, Леонидову. Жизнь изменилась так, что я теперь могу взять и позвонить ему.

— Макс, — завопила я в телефон. — Как я счастлива, что ты родился! Я учу речь, чтоб как следует тебя поздравить!

— Устинова, — сказал он устало. — Знаю я твои поздравления. Тебя ведь не остановить, если ты речи начнешь произносить. Ты лучше просто приходи на концерт! Слушай и получай удовольствие, поняла?! И шут с ними, с проникновенными речами, особенно с твоими!

На тот концерт я не попала. Папа заболел, я металась, и никак мне было не вырваться, и я не слышала его, и речей никаких не произносила.

...Талант — такая редкая штука. Редкая и удивительная. И необъяснимая.

Талантливые мальчишки, которых хочется слушать, открыв рот, если они поют, читать запоем, если они пишут, кланяться им в ноги, если они делают сложные хирургические операции, — это подарок судьбы.

Это и есть «мое свиданье с Богом у огня», как придумал тот же Макс Леонидов.

Честно, я не знаю, что имел в виду Достоевский, который утверждал почему-то, что «красота спасет мир». Не понимаю. Мне кажется, что мир

спасет талант. И гармония, которую он вносит в окружающий мир, делая его чуть лучше, спокойней и понятней.

Ничего плохого не может случиться, покуда есть река, а над рекой туман, теплые доски возле лодочного сарая, большая кудлатая собака, торчком поставившая ухо, и диск с песнями Максима Леонидова!

Я знаю, он не любит речей, а над моими вообще всегда потешается, но тем не менее скажу такую речь: Макс, я люблю тебя.

Ну, просто чтоб ты знал.

ПОЕЗД ДАЛЬШЕ НЕ ИДЕТ...

Мишка и Димон явились на днях из института и были непривычно задумчивы. Мишка — мой сын, а Димон его друг. Когда они являются домой, всегда случается небольшой переполох, мистери-я-буфф. Все мечутся и орут. Кругом валяются куртки и башмаки сорок седьмого размера, как будто в дом явились не два парня, а рота солдат в химзащите. Собака начинает брехать от счастья и прыгать так, что стены сотрясаются от ужаса. У нас такая... не маленькая собака, а даже довольно большая. Парни начинают орать, что борщ они ни за что не будут, зато сейчас закажут две пиццы размера «макс». Домоправительница Ритуся очень громко и очень настойчиво говорит, что пиццы никакой не будет, а будет как раз борщ.

В общем, всегда все хорошо.

А в этот раз было не очень хорошо. Даже куртки и ботинки как-то уменьшились в размерах и почему-то не занимали полквартиры. И про пиццу речь не шла.

На лекции в институте моих мальчишек познакомили с исследованием американского демогра-

фа Николаса Эберштадта. Тридцать пять лет он пытается найти ответ на вопрос: «почему умирают русские». Тридцать пять лет работы, километры проштудированных статистических данных, семнадцать написанных книг — и полное недоумение. Вроде бы рождаемость в норме, и медицина вроде бы на уровне Восточной Европы, но...

Мальчишки думали целый день, даже на лекции по теории вероятности, и поняли то, чего никак не мог взять в толк демограф Николас Эберштадт.

Русские умирают от апокалипсического вида за окном и телесериалов. За окном — закрытые за нерентабельностью и полностью вымершие оборонные заводы, похожие на зону отчуждения взорвавшейся АЭС, облупившиеся стены одинаковых многоэтажек с одинаковыми подъездами, в которых выломаны рельсы для колясок и кнопки вызова лифта. Там воняет кошками, мусоропроводом и перегаром. Дома, в маленькой «двушке», сорок семь квадратных метров, — безусловно, жилье люкс, — вонь из подъезда смешивается с ароматом «альпийского луга» дешевого освежителя воздуха и запахом сырости от наружных стен. В телевизоре сериал. В компьютере «одноклассники» (однотруппники, сокамерники). На кухне табуретки из ИКЕА, сковорода с готовыми котлетами по четным и пельменями по нечетным дням и салатик из заветренных овощей, вываленных в обезжиренном майонезе. К телевизору и сковороде прилагается жена, в бигуди и тренировочных штанах, помешанная на восточных танцах и диетах из журна-

ла, и дочь, ждущая свидания с одноклассником (одногоруппником, сокамерником). Машина, разумеется, купленная в кредит, и работа, разумеется, скучная до умопомрачения. По выходным посещение шопинг-центра, футбол, визит к теще и «накачать по маленькой» с братом супруги.

Неделю назад стукнуло сорок лет, и все дела уже давно поделаны! Никаких других не будет, а те, что были задуманы в двадцать, поделывать не удастся уже никогда.

Ну, собственно, вот и все. Поезд дальше не идет. Станция Березай, хошь не хошь, вылезай.

Все это они мне изложили и уставились на меня встревоженными детскими глазами — я должна была немедленно их утешить. Сказать, что в их-то жизни все точно будет по-другому. Что у них получится. Что все не так плохо.

Я утешила. Сказала. Убедила. Налила чаю и достала шоколадку. Пока еще, несмотря на то что им по девятнадцать лет, их все же можно утешить шоколадкой.

А меня — нет.

Когда государству нет дела, когда отсутствие идеологии превращается в идеологию, когда разрушены основы, а создавать какие-то другие основы никто не умеет, когда национальная идея — выкачивание нефти, а национальный герой — оборотистый сантехник, стыривший во времена безвременья состав с соляжкой и, таким образом, вышедший нынче в олигархи, когда ли-

тература постоянно объясняет тебе, что ты подонок, лох, быдло и ничтожество, когда в телевизоре маньяки, «зона» и разбитые фонари, а за окном пустеющие заводы и полоса отчуждения, когда тебе сорок лет и у тебя уже все «налажено», вот тогда ты и умираешь.

Внезапно. От остановки сердца. От скуки. От безысходности.

Только мальчишкам лучше пока этого не знать.

МОЙ МУЖ НЕ ПОХОЖ НА ТОМА КРУЗА, НО...

Я была на пресс-конференции и отвечала на, честно сказать, туповатый журналистский вопрос: «Кто прототипы героев ваших романов? Где вы берете мудрых, в общем, настоящих мужчин?» Не успела я дать философский ответ: «В жизни!» — как мне позвонила мама моего старого приятеля.

С приятелем мы... приятельствуем не так чтоб очень тесно, не так чтоб очень душевно, но, в общем, довольно давно.

Его мама звонила мне в последний раз примерно лет пять назад, и с тех пор я ничего о ней не слышала.

После пресс-конференции я ей перезвонила.

«Он решил уйти с работы, — сказала мне его мама отчаянным голосом. — За последние три года он уже во второй раз меняет работу, никак не может найти себя, бедный мальчик. Ты имеешь на него влияние, — продолжала мама голосом придушенным. — Если он опять потеряет работу, мы останемся совсем без средств, а нам с отцом

нужны дорогие лекарства и ежегодные обследования. Ты сама знаешь, какая нынче пенсия».

Ну да, я знаю. Мои родители, кажется, тоже ее получают, эту самую пенсию, и это никакая не пенсия, а плевок в лицо тем, кто всю жизнь много и тяжело работал.

В общем, я ему позвонила. Родители перепуганы и в отчаянии, сказала я, им нужны лекарства и некая стабильность, они это давно заслужили, а мы с тобой молодые и сильные лоси, мы-то в любом случае заработаем, и не важно, нашли мы себя или еще только в процессе поиска.

Он выслушал меня совершенно равнодушно, а потом объяснил, что в этой жизни каждый за себя. Ну, в том смысле, что никто никому ничего не должен. Никаких лекарств и обследований! Что такое, ей-богу!.. Бывшая жена пристаёт, родители пристают! И всем денег подавай! А он не печатный станок. Он ищет себя.

Он говорил долго, постепенно распаляясь, я слушала, настроение стремительно портилось, и я ругала себя, что ввязалась не в свое дело, но...

Я-то знаю, как живется, когда денег нет вообще. Когда в магазине нужно долго и мучительно выбирать, что купить — пакет сушек или полкило колбасы. Когда не на что починить туфли. Когда нужно выкраивать на лекарства.

Я едва дождалась с работы Женю.

Он мыл руки, а я стояла над ним и спрашивала, что нам делать. Чужие родители совсем пропадут, покуда их сын ищет себя.

Как что делать, удивился мой муж, конечно, помогать!.. Да, но придется помогать постоянно, пожалуй, всю оставшуюся жизнь. Ибо сын, даже если и найдет себя, наверняка примется искать еще что-нибудь возвышенное. Великую любовь, к примеру. Или святой Грааль.

Мой муж пожал плечами. «Ну мы же справимся, — сказал он, вытирая руки. — На лекарства для двух дополнительных стариков у нас хватит, а покупать им «Роллс-Ройс» вряд ли придется».

Я точно знаю, что отличает мужчину от существа неопределенного пола, но в брюках.

Великодушие, вот что.

Мой муж трудоголик, зануда и доктор наук. Его невозможно оторвать от телевизора во время Кубка УЕФА, его невозможно затащить на светский раут. Он разбрасывает вещи, теряет ключи от машины, засыпает на модной премьере, и во время покупки пиджаков мы непременно разводимся. Да, еще он решительно не похож на Тома Круза, смеется над словом «биеннале» и забывает в машине свои очки, а потом сверху садится сам.

Кстати, тот, который ищет себя, всегда выглядит прекрасно, истово чистит ботинки, читает художественную прозу, красиво курит и вообще орел-мужчина.

И все это не имеет никакого значения.

А великодушие имеет.

Мы слишком многого хотим, понимаете? За досадными мелочами мы видим мужиков и вбили себе в голову, что их на самом деле не существует, перевелись! Да нет же! Вот они, рядом с нами, но «глянцевые стандарты» и кондовые советские стереотипы, слившиеся в нашем сознании в единое целое, заставляют нас вздыхать и искренне мучиться из-за того, что любимый, черт побери, совершенно не похож на Тома Круза! И пиджак сидит на нем как-то не так, и домашнее задание у ребенка он опять не проверил, и зарабатывает меньше!

Мой муж зарабатывает не слишком много, но двух чужих стариков готов содержать, потому что он... мужчина. Потому что он так понимает жизнь.

И мне наплевать, что на Восьмое марта он, по всей видимости, опять не подарит мне ни одного бриллианта величиной с куриное яйцо. Зато я точно знаю, как отвечать на вопрос: «Где вы берете мудрых, в общем, настоящих мужчин?»

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Не люблю сентябрь! Пусть кто как хочет, а я — ну не люблю!

Особенно потому, что новый год.

Ну, в смысле учебный, учебный!..

Все летние радости позади: дача, гамак, пинг-понг, длинные теплые дни, короткие теплые ночи, ожидание моря — мама, мама, а на море когда? Мама, мама, а мы надолго на море? А мы на досках будем кататься по морю? А мы будем в песке валяться у моря?..

Будем, сынок. Будем, не волнуйся. Вот мы, а вот и наши билеты на море! Все будет.

Но в сентябре вдруг получается, что все не «будет», а «было».

Дети не пристают с морем — оно ведь уже было! Гамак, натянутый между соснами, мочит дождик, надо бы снять, но дырка вместо гамака — окончательный приговор лету, а мы не хотим пока, мы еще «не готовы»!

И дети «не готовы»!

Никого не добудишься утром, ни студента — это старший сын, Мишка, ни школьников — младшего Тимофея и племянницу Сашку. Не встают, и все тут.

Лето не отпускает.

Давеча позвонила подруга и тревожным голосом осведомилась:

— Вы к школе готовы?..

В каком смысле?.. Учебники куплены, рюкзаки с ужасными мордами и черепами на фасаде — очень модная вещь! — припасены. Дневники, методические пособия, хрестоматии, тетрадки для домашних заданий — все есть.

А к школе мы, пожалуй, не готовы.

Мы все еще, как кот у какого-то, сейчас не вспомнить, американского писателя, ищем «дверь в лето». Все вместе, не только дети.

Мы хотим, чтобы впереди было море, гамак между соснами, и дни длинные-длинные, и радость жизни полная-полная, и пирог с малиной горячий-горячий, и огурцы, купленные у бабки, только что с грядки, а не выращенные на «гидропонике». Когда-то наша биологичка пыталась втолковать нам, что такое эта самая «гидропоника», но я так и не поняла. Поняла только, что с грядки лучше.

— А ты на встречу с классной ходила? — тревожно, как шмель в летних зарослях крапивы, гудела в трубке подруга. — А деньги на охрану у вас уже собрали? И почему охрана? У нас полторы, и говорят, что еще потом дособерут. А англичанка все та же или вам поменяли?

Ох, не ходила я на встречу, и про деньги на охрану мы каждое утро забываем, хотя уже сто раз в школе напоминали, что нужно положить их ребенку в рюкзак или в карман, чтобы он «сдал».

И мы не положили, и он не сдал.

Мы ищем «дверь в лето».

И без толку, без толку!.. Нет ее, этой двери. Сентябрь за окнами, темнеет рано, птиц не слышно боле, и далеко еще до первых зимних бурь... Впрочем, это все мы будем зубрить во время надвинувшегося на нас учебного года.

А двери нет.

Как всегда, ее отыскала моя мама, самая неправильная из нас. Мало того, что она «неправильная», она еще... оптимистка.

— Танюш, — сказала мама в телефонную трубку, и голос у нее, не в пример подруге, был очень веселый, — поедem отдохнем немного от сентября, а?

— Как отдохнем?! — тяжело поразилась я. — Учебный год только начался, нужно втягиваться в работу. И на встречу с классной я так и не сходила, и деньги за охрану...

— Да ладно! — перебила моя неправильная мама. — Успеem мы втянуться. Поехали, а?..

Если бы вы знали, как были счастливы дети, что мы едем «отдыхать от сентября»! Как орали, скакали, как моментально собрались, как скулили, чтоб скорей, скорей, как влезли в машину и уселись там со встревоженными лицами — вдруг мы передумаем?..

Но мы не передумали. И бездельничали целую неделю, нисколько себя не ругая.

Ребята, в этой грянувшей осени нет никакой фатальной окончательности, вот что!.. И приговора нет. Лето прошло, но мы-то остались, и далеко еще до первых зимних бурь, и льется чистая и теплая лазурь... Вот, ей-богу, льется!..

О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Однажды мы всерьез поругались.

Не знаю, что на него нашло.

Он наговорил гадких слов и, уже договаривая, понял, что делает что-то непоправимое, и голос у него стал испуганный, и мне показалось, что договаривал он через силу, изо всех сил желая остановиться, но все же договорил — по своей мужской привычке доводить дело до конца.

Мы не помирились сразу, а это катастрофа.

Я не умею жить, отравленная ссорой, не могу дышать ее воздухом и на самом деле не знаю, как это получается у женщин, умеющих виртуозно и продолжительно ссориться!..

Он положил трубку, а я стала ходить из комнаты в комнату.

В одной комнате у нас светлые полы, а в другой — темные. Я ходила и смотрела под ноги, сначала на светлое, а потом на темное. Мне было очень жалко себя, несправедливо обиженную. И свою жизнь, которая, считай, пропала. И вдруг я стала думать, что было бы со мной, если бы его вообще не было. Не в том смысле, чтоб он... умер, а в том

смысле, если бы мы с ним не встретились. Ну просто не встретила, и все. Мне сорок лет, и я точно знаю, что не встретиться нельзя. Это в восемнадцать кажется, что можно промахнуться, упустить, пройти по соседним улицам, открыть не ту дверь.

Нельзя. Этот самый шанс предоставляется всем и всегда. Другое дело, что он единственный, и в этом суть дела. Мы все — взрослые, а не восемнадцатилетние — точно знаем, *кто именно* был «шанс». Правда? И точно знаем, почему мы его упустили, если упустили. И благодарим небеса, если все случилось.

Ну, вот я ходила и представляла, что его в моей жизни нет. Я не знаю, как он говорит, как думает, как хохочет. Я понятия не имею, как он дышит или молчит. Я не знаю, как пахнет его одеколон и как он водит машину.

И некому смотреть в глаза, и сопеть в ушко, и не на кого обижаться, и некому звонить — его же нет!.. Некому варить кофе, и жарить омлет, и ныть, чтоб быстрее приехал, и ругать, что приехал поздно, тоже некого. Его нет, а проделывать все это с кем-то другим невозможно, потому что — зачем?.. И еще я понятия не имею, что он думает о жизни, вселенной и вообще, а мне же нужно знать, что думает обо всем этом именно он! Я не рассматриваю придирчиво его джинсы и рубашки, чтобы в очередной раз убедиться в том, что он самый красивый из всех известных мне мужиков.

Ну, пусть не самый и не красивый, но все же лучше остальных, по крайней мере для меня, а я об этом даже не знаю, потому что... его нет и никогда не было.

Пожалуй, и меня нет. То есть не было бы. Наверное, была бы какая-то другая тетенька, обремененная какими-то другими заботами, и бог знает, какие романы она бы писала, может, совсем никудышные, потому ей не о чем было бы писать — его-то она никогда не знала!.. Не было бы их, не было бы и нас, все так просто!.. Просто и справедливо. Чего мы хотим от них?! Что мы хотим получить... на выходе, как говорил наш профессор химии? Чтоб они стали ангелами уже при жизни? Чтоб никогда не совершали ошибок? Чтобы никогда не говорили обидных и несправедливых слов, не засыпали, когда на экране целуются, не опаздывали с работы, не летали в командировки, не пили пиво, не уставали от нашего милого щебетания, не выходили из себя в примерочной, куда мы, такие прекрасные, меряем очередную водолазку?!

Так не бывает.

Тут я перестала жалеть себя и свою пропадающую жизнь. Ничего не пропало, вдруг подумала я и наступила на светлый квадратик пола. Ничего же не пропало, ей-богу!.. Ну наговорил он ерунды, ну и мучается теперь, наверное, еще больше меня. Он всегда мучается, когда бывает несправедлив, — я-то знаю его как никто!.. Знаю, знаю и не пойду я на темный квадрат, потому что ничего не случилось. И, боясь передумать, я быстро написала ему записку — терпеть не могу слова «эсэмэ-

ска»! Он ответил через три секунды. Должно быть, сидел, уставившись на телефон, и мучительно придумывал, что бы такое ему сделать, чтобы все вернулось, но не придумал — куда ему придумать, ведь он просто мужчина!

И он есть.

ЛУЧШИЙ КОМПЛИМЕНТ ОТ МУЖЧИНЫ

Очень все это непросто! Ну, вот это все — приходит время, с юга птицы прилетают, снеговые горы тают, и не до сна!.. Не потому что я вся такая романтическая, а потому что весна — это всегда тревога, как будто ожидание чего-то. Всем нам объяснил дядюшка-кузнец из фильма про графа Калиостро, что ипохондрия, во-первых, завсегда на закате делается, а во-вторых, происходит она от того, что человек смотрит на солнце и думает, вот взойдет оно, к примеру, завтра или не взойдет?

Ну вот и я, и я!..

Весна пришла, а в моей жизни так ничего и не происходит! То есть большой, но чистой новой любви нету, а есть только все тот же старый, относительно молодой муж, старые подросшие дети, старая молодая собака и старая работа. Где мои темные очки, я немедленно нацеплю их на нос и отправлюсь гулять на бульвар, вся такая воздушная и к поцелуям зовущая — не потому что мне хочется на бульвар, а потому что весной положено романтически гулять по бульварам. Еще

весной положено худеть «к лету», чтобы влезть в тот самый сарафанчик со сто сороковой страницы модного журнала — на предыдущих ста тридцати девяти тоже в основном сарафанчики, но в душу запал почему-то именно этот. Стереотипы, стереотипы замучили!..

И я решила, что немедленно нужно что-то менять. Ну, не в смысле старого мужа на нового и старых детей на других, а что-то такое сделать с собой, чтобы пришло «правильное» ощущение весны.

Меня всегда заботит «правильность» моих ощущений и соответствуют ли они все тем же стереотипам, будь они неладны!..

В соответствии с ними весной — да и вообще всегда! — чтобы придать себе ощущение «правильной» женственности, следует носить каблуки и платья.

И пришла я как раз в «правильный» магазин и уставилась на платьица из «весенней коллекции» — их было не слишком много и особой красотой, на мой взгляд, они не страдали.

Ну, вот я рассматривала платьица, не понимая, как применить их к себе и своей новой весенней красоте, когда ко мне подошла продавщица.

Я посмотрела на нее, а она посмотрела на меня.

— На вас ничего нет, — сказала она скучным голосом, не найдя во мне ничего хорошего.

Я немного упала духом.

— Как, совсем ничего?

Продавщица пожалала плечами без всякого энтузиазма.

— Ну вы же сами видите размеры, — пояснила она, стараясь быть деликатной, — вам нужны большие, а у нас тут... — она поискала слово, — молодежный магазин.

Ну да. В молодежном магазине мне делать нечего. Здесь нет моих размеров. Мне нужно в магазин для пожилых. Возможно, там размеры найдутся. Некоторое время, старательно делая бодрое и независимое лицо, я еще потаскалась вдоль вешалок с платьицами, вождедея их все больше и больше как раз потому, что нельзя. Они мне не подходят. У всех людей весна и платья, а мне нужно в магазин для пожилых, видимо, за телогрейкой! И некоторое количество «правильной» женственности мне, по всей видимости, так и не удастся добыть для себя этой весной!

Но ведь мне так хотелось именно весны!..

Я вышла на улицу, нацепила на нос темные очки и, глубоко и вдумчиво жалея себя, потащилась мимо витрин с платьицами, сарафанчиками и купальниками.

На вас ничего нет!

И я решила купить джинсы. Шут с ней, с «правильной женственностью», но ведь, когда приходит время и с юга птицы прилетают, все-таки обязательно нужно купить что-нибудь ненужное!.. Ну хоть что-нибудь!..

Тут мне повезло. Не джинсы, а мечта — странного цвета, с дырками на всех возможных и невозможных местах, выглядят так, как будто были

найлены на помойке, а стоят бешеных денег. Как раз в моем духе. К джинсам я еще присовокупила маечку, тоже странноватенькую, черную, с какими-то буквами.

Ну, никакой весны и женственности, но хоть так!..

Приехав домой, я первым делом нацепила и джинсы и маечку и стала придирчиво изучать себя в зеркале, когда вдруг со второго этажа спустился мой сын Мишка. И увидел меня.

— О! — сказал он и показал большой палец. — Мама, ты самая красивая женщина на свете!

Ей-богу, это лучший комплимент от мужчины, который я получила этой весной.

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Друг позвонил мне среди ночи и чуть не плакал — ей-богу!.. Они опять поссорились. Они поссорились и теперь опять разводятся. Они разводятся, и теперь уже точно навсегда.

Надо сказать, что они все время ссорятся, поэтому я не очень пугаюсь, кроме того, я достаточно взрослая девочка, чтобы пугаться из-за таких вещей!.. Ну поссорились. Ну разводятся. В первый раз, что ли!.. В последний, что ли!.. Авось совсем не разведутся.

Позевывая, я спросила, что на этот раз.

Я не сразу поняла, что он всерьез перепуган.

«Ты знаешь, случилось что-то совсем плохое. Что-то такое, чего я совсем не понимаю. Нет, раньше тоже все время случалось, и тоже плохое, и я тоже ничего не понимал, но сейчас как-то особенно не понимаю. А она мне не объясняет».

«Нет, ну хорошо, хорошо!.. А из-за чего все началось-то?..»

Да началось не сейчас и даже не вчера. Она все время в плохом настроении и все время какая-то